

"Как я искал секретаршу"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Андрей Неклюдов

КАК Я ПОДБИРАЛ СЕКРЕТАРШУ

Варианты

Вариант 1

В первый раз я подбирал секретаря, как это и принято, по внешним данным – ноги топ-модели, талия куклы Барби, каблуки – острее не бывает, юбочка в обтяжку. И это в значительной степени оправдано. Эффектная молодая секретарь благоприятно действует на партнеров и клиентов, позволяет легче найти с ними общий язык. Однако скоро проявилась и обратная сторона женской обольстительности. С первого же дня мои сотрудники-мужики, точно коты, урчали и терлись в приемной. Разгоню их по норам, а через какое-то время перехватываю записочки в Vypress Chat: «Викочка, ты должна мне сегодняшней вечер. Олег». – «А не прогуляться ли тебе одному? Вика со мной идет на джаз. Слава».

На следующий день мой зам по сбыту (Олег) появляется с расцветенным глазом. С моим замом по производству (Славой) отказывается сидеть в одной комнате.

Словом, наблюдался некоторый диссонанс в работе коллектива.

Пробовала Вика и на мне свои чары – то «случайно» положит руку на плечо и легонько поглаживает (как бы в рассеянности), то потянется, демонстрируя ножки до самого того... Но меня такими штучками не проймешь. Для меня секретарь – исключительно лицо фирмы (а не другие ее части).

Предел наступил примерно через неделю. Прихожу в офис раньше обычного, направляюсь в кабинет, и тут мне чудится, будто в подсобке (где уборщица хранит свой инвентарь) что-то шуршит. Неужели Егоровна еще здесь? Заглядываю и застываю в полном финише: моя секретарша держится за швабру, выставив голые ягодицы, а к этим ягодицам, как шмель к бутону, припал Слава со спущенными штанами. Оба так увлеклись, что на меня – ноль внимания. Пришлось вежливо кашлянуть и извиниться, что не обеспечил офис надлежащей мебелью – вынуждаю своих сотрудников так мучиться без элементарных удобств.

Вывод: очень красивая, молодая и сексапильная девушка - не лучший вариант секретаря.

Вариант 2

Следующей была Инна, также молодая, симпатичная (хотя и не топ-модель), но главное – уже семейная женщина.

Я рассуждал так: семейная женщина – это серьезность, стабильность, это минимум любовных приключений на работе. И действительно, на все заигрывания мужчин нашей фирмы Инна отвечала холодным молчанием, так что поначалу я уж было решил, что проблема решена. Но... начались телефонные переговоры. Даже не переговоры, а целые телефонные сериалы.

– Толик, лапочка, ты покушал, малыш? Что ты кушал? О, господи! Где ты их нашел?! Я же специально убрала...

- ...Зачем ты полез в аквариум?! Хотел покормить рыбок? Все, отойди от него подальше. Котлету я сама достану. Да, скоро. Ничего не трогай! Ты слышишь меня?

- ...Играл в больницу? Забинтовал ему голову? Владимир Сергеевич! - (это уже ко мне). - Мой Толик забинтовал коту голову. Мне срочно нужно домой!

Если с Толиком сидела Иннина мама (в детсад его не отдавали по причине болезней), то ей подолгу объяснялось, где что найти, когда и сколько гулять, что надевать и т. п.

Вдобавок ко всему беспрестанно звонил муж, который, похоже, был уверен, что всех секретарш рано или поздно соблазняют их начальники. Инна старательно оправдывалась:

- Сажу на своем месте. Нет... в разных комнатах. Почему ты мне не веришь? Я тебя когда-нибудь обманывала? Нет, не дарил. Не подвозит... Он не такой...

И так до бесконечности.

Если секретарь задерживалась на работе хоть на час, от настырных звонков не было спасения.

И мне не всегда удавалось сохранить сдержанность:

- Инна, скажите, пожалуйста, вашему благоверному, что я запретил вам вести по телефону личные беседы.

Она делала испуганные глаза:

- Вы что, Владимир Сергеевич, он же тогда сам сюда заявится!

Вывод: женщина, даже если она хороший специалист, но обремененная детьми и ревнивецем-мужем, не лучшая кандидатура на должность секретаря. Голова у нее забита совсем другими проблемами.

Вариант 3

«...Требуется женщина от 45 до 55». Так звучало мое очередное объявление о вакансии.

Клавдии Петровне было 53. Делопроизводство она знала в совершенстве (как-никак 28 лет стажа). Компьютер хоть и побаивалась, но кое-как с ним все же управлялась. И у нее была масса дополнительных преимуществ: ее дети давно вышли из шаловливого возраста и вообще ей не звонили (что ее крайне огорчало), ревнивого мужа, как и вообще какого-либо мужа, давно за ней не числилось. Ей не нужно было торопиться в магазины, а с другой стороны, не приходилось тратить рабочее время на маникюр или изучение журналов мод.

Сказать, что ко мне она относилась по-матерински - это почти ничего не сказать. Она следила, чтобы я вовремя обедал, чтобы делал перерывы в работе, журила меня за то, что я, по ее мнению, слишком много курю. В обеденные перерывы она вязала мне на зиму шерстяные носки.

- Володечка, - сердобольно вздыхала она, - вы очень много работаете. Вам просто необходимо принимать биодобавки для поддержания здоровья. Вот, я составила для вас схему приема. И еще вы обязательно должны почистить кишечник и печень по Малахову - у вас нездоровый цвет лица.

В своем собственном кабинете я боялся чихнуть, потому что иначе сразу же получал добрую порцию наставлений по профилактике простудных заболеваний.

Клавдия Петровна обладала чудовищным, пугающим меня запасом сведений по различным методам оздоровления, которым она щедро делилась, как и вообще своим не менее богатым житейским опытом. Руководствовалась она исключительно добрыми намерениями.

- Послушайте меня, Володечка, - начала она однажды вкрадчиво, - я знаю одну молодую женщину... такую же одинокую, как вы. С ней я уже переговорила, и она не против с вами познакомиться... Володя, не смотрите на меня так дико! Володя, ну нельзя же молодому красивому мужчине без семьи!.. Володя?!!

Вывод: пожилая женщина, страдающая от своей невостробованности, в конце концов «достанет» любого, даже самого терпеливого начальника.

Вариант 4

Люся вышла на меня сама. Бесшумно вплыла в кабинет и молча, не поднимая глаз из-под очков, положила на стол какие-то бумаги:

- Я по объявлению.

С давно не испытываемым удовольствием я разглядывал это редкостное создание. Более невзрачное существо трудно себе представить: маленькая, круглолицая, вся в веснушках, в очках (наверное, сохранившихся с седьмого класса школы), волосы блеклые, как будто подстриженные тупыми садовым ножницами. При взгляде на нее возникало два (взаимоисключающих) желания - расхохотаться и скорбно вздохнуть. Других желаний не возникало, и я понял, что сам Всевышний послал мне секретаря.

Окончательно же меня покорило ее резюме. Кроме справок об окончании каких-то курсов имела и текстовая часть. И эта текстовая часть... Короче, резюме было написано в стихах.

Я поспешно отошел к окну, бросив все силы на подавление первого из двух перечисленных выше желаний (впрочем, без явного успеха).

- Вы что, плачете? - прозвучало у меня за спиной, отчего я затрясся еще сильнее.

- Да, - прохлюпал я. - Вы меня... растрогали...

Начиналось резюме так:

«Я к Вам пишу мое портфолио,

Теперь, я знаю, в Вашей воле я».

Еще запомнились строки:

«...Быть Вам полезной - моя цель,

Владею Word-ом и Excel».

- Вас как зовут? - справился я наконец с эмоциями.

- Люся.

- Милая Люся, портфолио не пишут, портфолио - это визуальная информация о потенциальном работнике - фото, видео, готовые проекты, эскизы... Тем не менее я оценил ваше рвение.

С этого дня Люся сидела за столом перед моей дверью. Сотрудников моих она на себя не отвлекала (клиентов, впрочем, тоже), личных звонков не делала, и ей также никто не звонил. Вечерами она никуда не торопилась и могла задерживаться на сколько бы ни требовалось. Сидела она как мышка, склонив голову, а если я проходил мимо, то склоняла ее еще ниже. Когда же я обращался к ней (исключительно по делу), она вся как будто размягчалась, млела, точно сыр на сэндвиче в микроволновке. Впрочем, это не мешало ей исправно выполнять свои обязанности.

И все бы ничего, но с какого-то времени я стал замечать, что тоже как бы слегка млею. Видимо, решил я, это ее состояние заразительно (как бывает заразительна зевота).

В офис Люся приходила раньше всех и наводила порядок на двух моих столах. Я сам люблю во всем порядок, но после нее возникало ощущение, будто ты попал в музей-квартиру какого-нибудь великого деятеля.

...Но однажды утром, распахнув дверь кабинета, я увидел странную картину: из-под моего стола торчал женский зад. Зад был обтянут юбкой, из-под которой стыдливо открывалась взору стрелка с дырочкой на темно-сером капроне. Сквозь эту дырочку сиял пятачок белой кожи. Я бесшумно приблизился по мягкому ковровину:

- Люся, вы что там делаете?

Зад попятился навстречу мне, так что пришлось слегка отступить.

- Я... - количество веснушек на ее лице, казалось, утроилось. - Владимир Сергеевич... я доставала... каштанчик...

- Какой каштанчик? - не понял я.

- Я хотела... украсить ваш стол.

На столе в глиняной чаше красовался натюрморт - несколько глянцевых конских каштанов, зеленая еловая шишка и какая-то засушенная колючка. Что ж, оригинально. Возможно, это какой-то символ, предметное выражение моей сущности, например. Или же Люся увлекается ворожейством?

После я сидел отрешенно в своем кресле и постукивал *каштанчиком* по столешнице. Мне мерещилась дырочка на Люсиных колготках. Это видение без всякого на то моего согласия вызывало во мне греховные желания.

С тех пор как я вновь обрел статус холостяка (жена не вынесла моего режима работы), я нечасто встречался с женщинами. Знакомства, ухаживания, романы требовали времени, часто неоправданно большого по сравнению с конечным результатом. Между тем мое время давно и полностью отдано делу. На работе мне вообще не до капризного пола (особенно когда

срывается какой-нибудь договор или возникают разборки с налоговой).

И тут какая-то замухрышка «зацепила» меня своей попкой в драных колготках! И ведь реально зацепила...

Мои философствования прервала эта самая замухрышка, войдя с бумагой на подпись. По обыкновению, она смотрела в пол, смиренно поблескивая очками.

Я подписал, теперь следовало вложить второй экземпляр в файл для архивных бумаг. Обычно я сам доставал с верхней полки эту увесистую папку, а тут почему-то не стал помогать.

И вот Люся, немного подождав, пробует дотянуться сама. Бесполезно. Тогда она подкатывает компьютерный стул, снимает свои неказистые туфельки, влезает на сиденье и повторяет попытку. Стул преобразуется в роликовую доску для скейтбординга. Нетренированная Люся пикирует с него, прижимая к груди папку... и оказывается в моих объятиях (не зря я столько лет занимался теннисом). Я пытаюсь придать ей вертикальное положение – она не отцепляется. Она дышит мне в шею и... лижет? Или просто случайно касается губами?

И тут на меня вдруг находит затмение. Я с силой отрываю ее от себя, силой ставлю на пол, шлепаюсь на колени, задираю ее юбку и прижимаю губами к тому белому пятнышку кожи в дырке на колготках. Дальше – еще круче. Я рывком расширяю эту дырку и целую (безумие!) обнажившуюся ногу. Люся что-то бормочет и (видать, у нее тоже затмение) нагибается, чтобы мне было удобнее... Тогда я стаскиваю с нее колготки (неслыханно!), она мне помогает (это же разврат!), я целую ее бедра, ее влажные паховые складочки, ее рыжий курчавый лобок (и это делает директор фирмы?!). Я явственно ощущаю запах ее желания, и он... да, он окончательно лишает меня внутреннего достоинства и степенности руководителя фирмы.

Мы вместе стаскиваем ее трусики, мы торопимся, словно это последнее, что нам позволено сделать в этой жизни. Трусики скручиваются в жгут, жгут оплетает Люсины щиколотки. Люся падает, стучается затылком об пол (хорошо, что я заказал в кабинет этот густой зеленый ковролин), с нее слетают очки.

- Мне не больно, мне не больно... - шепчет она.

Да если бы и было больно, разве бы это нас отрезвило?...

Она лежит, распластавшись, на ядовито-зеленом искусственном мху, а я подбираюсь к ней, словно игуана. Из приемной доносятся телефонные звонки. К черту звонки! Доносятся голоса служащих (проклятье – дверь же не заперта!). Кто-то приоткрывает ее (обморочная тишина), затем дверь панически захлопывается. Позор! Позор!.. И это все она! Сейчас я разорву эту бестию на кусочки! Но для начала я пытаюсь разодрать в разные стороны ее ноги. Она выворачивается, становится на четвереньки и ползет под стол, ее попка призывно белеет оттуда. Я ползу следом, настигаю ее, натягиваю... нет, не ее, а какой-то шнур, со стола что-то хряпается на пол, кажется, мой верный Goodwin. Дальнейшее свершается в ногах моего директорского кресла (мне до сих пор стыдно перед ним).

Посреди кабинета валяются мои брюки, Люсины растерзанные колготки и скрученные трусики... В дверь кто-то робко стучит.

- Нельзя!!! - рявкаю я.

Нельзя, ведь я еще должен проверить, врут ли американцы в своих фильмах, якобы это весьма удобно и экстатично – когда женщина на столе. На знаю, удобно ли Люсиной спине на степлере и кипе бумаг, но мне... мне очень, мне еще никогда не было так очень!..

...Тяжело дыша, я полулежу в своем кресле, Люся хлопочет вокруг, приводя в порядок меня и кабинет – застегивает на мне рубашку, повязывает галстук (да кто же его так повязывает!), собирает разбросанные документы.

Я с удивлением прислушиваюсь к себе. Что это было? Я, деловой человек, солидный бизнесмен, кандидат экономических наук превратился в безумного самца... Что эта пигалица сделала со мной? А может, все дело в обстановке? Дома, в заранее заданных комфортных условиях я ничего подобного не испытывал.

А в конце рабочего дня я чуть было не подрался со Славой. Он щекотал цветком гвоздики Люсину шею, когда я выглянул из кабинета.

Я опасался, что после случившегося Люся поведет себя по-другому, более развязно что ли... Но она все так же сникает в моем присутствии, а работает еще более старательно. Когда же я бываю расстроен, рассержен, все эти психологические удары она безропотно принимает на себя. И... я постоянно ее желаю. Я понимаю умом, что в ней вроде бы нет ничего особенного, я бы не взял ее с собой ни на представительный фуршет, ни в жены. Но... меня тянет к ней и все тут! И это держит меня на взводе, делает меня яростным (в хорошем смысле этого слова), решительным, удачливым (особенно в общении с деловыми женщинами, которые вдруг стали гораздо сговорчивее).

В общем, скажу прямо: это делает меня счастливым.

И ко мне как-то уже не приложишь слово «холостяк»: в моем офисе активно протекает и моя деловая, и моя личная жизнь.

Вывод: неброская, но желанная и всецело преданная душой и телом секретарша – вот то, о чем только может мечтать руководитель фирмы, поверьте моему опыту.

© 2007, Институт соитологии